

Серге́я Мурзинский окончил исторический факультет Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, писал потом диссертацию. Жил с мамой, материального достатка не хватало. На рубеже «нулевых» за небольшие гонорары подрабатывал корреспондентом в газете «Православное слово», выпускавшейся Братством св. Александра Невского, сотрудничал в изданиях игумена Тихона (Затёкина) Печерского Вознесенского монастыря. На церковные службы ходил в Благовещенский. Писал стихи, потом и прозу. Это внешняя канва жизни. В то время я сколько-то общался с Сергеем, о чем можно и рассказать (поэтому и буду больше говорить о раннем его творчестве).

Внутренняя сторона его жизни контрастировала с внешней. Чем объяснить круг его тогдашних интересов? Ведь достаточно упомянуть выбираемые им темы для диссертаций, которые последовательно отвергались его руководителями на истфаке — Бенито Муссолини, генерал Власов. По его просьбе я приносил ему из личной библиотеки почитать «Геополитику» Хаусхофера, книгу Леонида Юзефовича про барона Унгерна, мы разговаривали о Юлиусе Эволе и социальных достижениях фашистской Италии или коллизиях «ночи длинных ножей». Музыка он предпочитал тоже «идеологическую», с «контекстом-подтекстом» — возбуждался от «Кармины Бурана» Карла Орфа, «Песней об умерших детях» Густава Малера — такую подборку с пластинок я записал на его кассету. Позднее прочитал его цикл стихов «Песни об умерших детях».

Да, его привлекала эстетика коричневой Европы. Мрачный тевтонский аристократический милитаризм и кастовый героизм. Он хотел увидеть чистую «дворянскую», «аристократическую» идею служения, в какие бы одежды она ни заворачивалась. В дело шло всё: русские казаки и гренадёры, чёрный мундир СС, кимоно самурая, форма Белого Воина Добровольческой армии, а потом и офицера РОВС, и, как ему должно быть мыслилось, даже сознательного члена РОА.

Чтобы разобраться в пристрастиях Сергея Мурзинского, попробую привлечь немного длинную цитату из книги Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс»:

«Человек элиты всегда чувствует внутреннюю потребность обращаться вверх, к авторитету или принципу, которому он свободно и добровольно служит... человек элиты не ценит готовых мнений, взятых без проверки, без труда, он ценит лишь то, что приходится добывать усилием. ...Именно человек элиты, а вовсе не человек массы, проводит жизнь в служении. Жизнь не имеет для него интереса, если он не может посвятить ее чему-то высшему. Его служение — не внешнее принуждение, не гнет, а внутренняя потребность. Когда возможность служения исчезает, он ощущает беспокойство, ищет нового задания, более трудного, более сурового и ответственного. Это жизнь, подчиненная самодисциплине — достойная, благородная жизнь. Отличительная черта благородства — не права, не привилегии, а обязанности, требования к самому себе. «Жить в свое удовольствие — удел плебея; благородный стремится к порядку и

закону» (Гете). Дворянские привилегии по происхождению были не пожалованиями, не милостями, а завоеваниями. Их признавали, ибо данное лицо всегда могло собственной силой отстоять их от покушений».

Вероятно, подобные воззрения были близки Сергею, в принципе — простому советскому школьнику, потом студенту «лихих 90-х». Похоже, от оскала наступившего дикого капитализма стадии первичного накопления капитала он решил спрятаться в латы придуманного для себя героического служивого аристократизма. Он ходил в секцию фехтования, готовил себя к героической гамлетовской гибели. Он посвятил себя романтизму — неизменному спутнику выбранного им круга идей, со всеми «прекрасными дамами», «рыцарями бедными», прыганьем «от любви» в Оку с Канавинского моста, поездками к возлюбленной в Питер в стиле Венечки Ерофеева (попутно решить все проблемы мироздания), etc. Ему необходимо было найти свою аристократическую родословную: «Пан Мурзинский» подписывался он в своём аккаунте (у поляков слово «пан» означает не только форму вежливости, но и отношения господства, власти, владения).

Ещё свойство его — это склонность к игре, к мистификации, к мистериальной постановке. В некоторых стихах он подражал довольно модному тогда литературному течению «куртуазных маньеристов», Степанцов и компания. Опять очевидно желание Сергея попасть в закрытый, авторитарный орден, где одни «паны», а снаружи — массы. Примером этих стихотворных штудий можно взять хотя бы такое куртуазно-вакхическое, посвященное Ванде:

МЕЧТА (ПОТАЁННОЕ)

*Парк шумит листвою весенней,
Завлекает трав постель.
Ах, послушай ты под сенью
Как поёт любви свирель.*

*Пташка рыжая! Оставим!
Далеко не убежишь.
Птицелов силки расставил —
В сеть любви ты угодишь.*

*Руды косы разметала,
Прочь бежала от меня.
Страсть моя тебя искала
Средь дерев — волос огня.*

*Изловчился, встрепенулся,
И красотку я поймал..
Но не вовремя проснулся,
Так, — увы! — и не помял!*

Это шутка или реальные переживания? Это хохма или апелляция к блоковскому герою, гонящего ЕЁ в дюнах (Александр Блок. «В дюнах»)? Скорее, второе, но, конечно же, сорта куда пониже.

Или вот случай из жизни. Едет корреспондентом на «Волге» вместе с соборным протоиереем в Дивеево, к Преподобному. Всю дорогу кашляет в платочек. На вопрос священника: «Чего ты?» отвечает: «Чахотка, батюшка...» Больше его в «Волгу» уже и не сажали. Сюжет-с!

Склонность к игре: предлагаю Сергею, дабы оживить газетную жизнь, бросить камень в болото безразличия, определить несколько тем и типа как на «круглых столах» их обсуждать с разных точек зрения. «Да где же мы возьмём участников дискуссий?» — «Так ты и будешь под разными псевдонимами сам с собой бороться!» И этот финт обманный прокатил, пошли письма в редакцию: кто одного поддерживает-опровергает, кто другого... Малыми силами, как одинокий партизан в лесу бегает, постредивает из-за разных кустиков и кричит на разные голоса: «Васька, заходи справа! Петька — с фланга!» Такая чудная игра.

Большой цикл стихов С. Мурзинского «Картинки с фронта» представляет собой поэтическую героическую эпопею Первой Мировой войны. С исторической точностью и знанием материала автор представляет нам идеалистическое батальное полотно, наполненное воинским пафосом, удалью, фанатизмом, кровью и порохом. Гимны и марши кайзеровских

армий, австро-венгров, русских казаков, французских, итальянских, балканских отрядов. Бравурные песни водителей стальных смертоносных армад в морях, в небесах и на суше...

Властелин океана! / Штурвал он берёт / И взамен капитана / Он крейсер ведёт! // И стальная громада / Взрывает волну, / И морская армада / Идёт на войну...

Национальные герои всех противоборствующих сторон сходят в этот поэтический эпос, будто бы только что взятые с фронтовых передовиц и репортажей газет и журналов военного времени. Подвиг русского авиатора капитана Нестерова, совершившего первый в мире воздушный таран, соседствует здесь с гибелью лучшего немецкого аса Красногубарова Рихтгофена. Казак Козьма Крючков сходит в стих будто бы напрямую с лубочных патриотических картинок журнала «Нива», а на следующей странице мы уже в подводной лодке Германского Имперского флота легендарного Отто Веддингена, за один час потопившего три английских крейсера.

Читатель «Картинок с фронта» оказывается то в окопах или у солдатского бивуака, слышит разговоры, песни на всех европейских языках, то рвётся в смертельную штыковую атаку через картофельное поле, то победным маршем проходит через взятый европейский городок, а то и вместе с вороном летит на место недавней битвы на кровавую тризну. Верден, Аргоннский лес, первая танковая битва на Сомме, Брусиловский прорыв, газовые атаки, схватки аэропланов и идущие на дно корабли, пушечное месиво и порубленные трупы, гибнущие дивизии и армии, фанфарные звуки побед, заносимые снегом поля воинских кладбищ — «всё промелькнуло перед нами».

Конечно, слава военной героики и поэзии для нас дело не новое, о писателях-воинах сейчас уже и книги пишут. Хотя бы на вскидку вспомним два примера. Николай Гумилёв специально в рост ходивший на бруствере под вражескими пулями («Променял веселую свободу / На священный долгожданный бой. / Знал он муки голода и жажды, / Сон тревожный, бесконечный путь, / Но святой Георгий тронул дважды / Пулею не тронутую грудь»). Или чуть более поздней эпохи поэт Николай Тихонов, тоже по-своему военный романтик: «Команда, во фронт! Офицеры, вперёд!» / Сухими шагами командир идет... // У кого жена, брат — / Пишите, мы не придем назад... // Адмиральским ушам простукал рассвет: / «Приказ исполнен. Спасенных нет.» // Гвозди б делать из этих людей: / Крепче б не было в мире гвоздей.

А вот циклу стихов С. Мурзинского свойственно стилистическое подражание патриотическому лубку, довольно характерному для печати времен Первой Мировой, многие его темы как бы напрямую взяты из тех статей и передовиц.

Лубочность. Правомерно ли? Но ведь и герой Василий Тёркин в свою былинную драматичность тоже ведь вышел из такого же лубка. У меня под рукой отрывной календарь на 1941 год, страничка на 1 марта, из фронтовой газеты «На страже Родины»:

«Не в Париже, не в Нью-Йорке — / В деревушке под Москвой / Родился Василий Тёркин, / Наш товарищ боевой... // Что за парень в гимнастёрке / В сером шлеме со звездой? / Это он — Василий Тёркин, / Пулемётчик молодой» (С. Маршак)

Ещё: «Снег лубок, а сосны редки. Вася Тёркин на разведке / Тёркин видит, Тёркин слышит — белофинн летит на лыжах... // Дальше ходу нету, стоп!!! Так в разведке очень ловко / Применит маскировку / Добыл Тёркин «языка» / И доставил в штаб полка» (Н. Щербаков). Можно размышлять над художественностью таких текстов, но то, что они «бьют точно в цель», отрицать трудно.

Сергей носил в себе эту героину, жажду битвы, он хотел быть таким, как Н. Гумилёв, но ведь разве можно сравнить отношение общества, людей к военному героизму и патриотизму во время двух мировых войн

и, например, в годы Чеченских войн, свидетелем которых он был. В то время в спины драчных телогреек русских мальчишек-призывников плетла из Москвы свора совсем других публицистов, пока те по приказу президента и при сопутствующих трансграничным мельтешениям всякого рода березовских или брали Грозный, или браво его отдавали назад по достигнутым договорённостям... Подвиг Евгения Родионова — это совсем не геройство «Картинок с фронта», в лубок его не завернёшь.

Поэтому Сергей не мог оказаться на такой войне, и не только из-за своего здоровья. То была не его война. «Свою» он рисовал себе со стройными шеренгами и вождём во главе, гусарской лихостью Дениса Давыдова и обязательными христианскими знаменами, как небесный крест императору Константину — «Нос vince», «Сим победиши»:

ПРОГУЛКА ПОД РВАНЫМ НЕБОМ

*Нет, не градские красоты
Петь хочу, мои друзья:
Жёлтой осени щедроты
По-иному вижу я.*

*Облака идут чредою,
Как войска, за строем строй,
И луною молодую
Вдруг блеснёт их вождь-герой!*

*О величии воздúхов,
Налитых свинцом грозы,
О жилище горних духов
Мне не жаль пролить слезы.*

*Я восторгом ужасаюсь
Перед ратью грозовой
И надеждою спасаюсь
На грядущий скоро бой.*

27.09.01.

Совершенно лубочно стихотворение «Прибытие поезда». Здесь образ поезда восходит, пожалуй, к таким, как у Есенина в «Сорокоусте» или у Н. Рубцова («Поезд»). У Мурзинского поезд — «суставный змей, дракон», рвущийся к цели, добыче. Но что происходит? Цель — город Москва — сама проглатывает этого дракона. И дальше стихи из «Московского цикла» поясняют отношение автора к городу-сказке. «Он торговкою шальной потрошит карманчик мой», «Град большой меня всосал — я иголкой в стог стал». Или вот ещё: «Воинственная сырь бушует в этом мире! / Столичный ядовит и бледен окоём./... Душа моя полна такой же мглой сырою — / Никак не вырваться из каменных теснин... / О счастье — умереть рассветною порою / Среди тишины святой заснеженных равнин!»

*...Покинул отрок мир сей грешный, злой и бренный,
Праха к праху лёг, взлетела ввысь душа святая.*

*Пусть нерушим покой твой будет бесконечный,
Душа твоя забудет скорби и печали.
Так пребывай в раю, весёлый и беспечный,
Невинный отрок, воспаривший в Божьи дали.*

21.02.02

Что же в итоге? Серёжа не спрыгнул с моста, не бросился под поезд или танк, не погиб на дуэли или в газовой атаке. И даже не имел чаемого «счастья» умереть среди святой тиши заснеженной равнины. Он упал, задыхаясь, у прилавка в магазине. Но всё же: кто его хоронил, говорят, что последний свой путь до могилы в деревню на родине он проделал на санях, которые тагнула лошадка... Мы же имеем память о нём — каждый свою, да десятки его стихов, немного прозы.

Моё убеждение в том, что если б не ранняя смерть, Серёжа актуально явил бы нам расцвет, заложенный в нём потенциально. Он бы Её догнал, определил бы высший, религиозный смысл связи с Ней. Склонный к традиционализму, он пошёл бы путём национальной традиции, и совсем не мальчиком, «рисующим войну», но «мужем» осмыслял бы уже не лубочно и куртуазно трагедию как отечественной, так и мировой истории, но

подверг бы её художественно-историческому анализу, деятельно участвуя в общерусском деле, чему залогом можно назвать написанную им в 2003-2007 годах поэму «Цвет опричный».

На фото: Сергей Мурзинский (крайний справа) и сотрудники редакции газеты «Православное слово» и издательства Братства св. Александра Невского (слева направо): М. Смирнова, Н. Селезнева, Н. Барсукова, В. Кременецкий, В. Жильцов, А. Стариченков